

Постановление КС РФ № 46-П: шаг назад под флагом баланса

Юлий Тай,

К.Ю.Н.

В этом году мы отмечали 70-летний юбилей выдающегося Судьи и Учёного, Учителя и Ориентира для меня и ещё огромного количества юристов нашей страны – Василия Владимировича Витрянского.

Мне посчастливилось быть его студентом в 1996 году, а потом учеником и последователем его идей. Он сыграл огромную роль в моей профессиональной жизни, но не обо мне речь.

Василий Владимирович не просто великий учёный, а замечательный, очень мудрый, чуткий, внимательный, невероятно скромный и талантливый человек. Трудно даже предположить, какому количеству людей он помог, наставил на путь истинный, дал путевку в жизнь! Здесь и сейчас моим уважаемым читателям нет смысла перечислять как всех его уникальных качеств, так и научных трудов, которые навсегда останутся в истории отечественного права.

Я никогда не думал, а сейчас тем более не думаю, что все добрые дела возвращаются к человеку сторицей (много несправедливости и неблагодарности в нашей жизни), но еще больше я уверен в том, что сотни и тысячи юристов и простых людей вспоминают его доброту и отзывчивость и всегда думают о нём с нежностью, благодарностью и теплотой.

Я желаю дорогому юбиляру прежде всего здоровья, сил, бодрости духа, света, мира и добра, а главное – счастья и радости!

Тема статьи тоже выбрана неслучайно, поскольку, во-первых, она касается не только вопросов несостоятельности, но и многих других отраслей, а именно мудростью и энциклопедизмом отличается Василий Владимирович, а во-вторых, мы неоднократно обсуждали с ним эту проблему как достаточно сложную, многоаспектную, решение которой требует очень глубокого, скрупулезного, «сферического» рассмотрения, поскольку «сложный вопрос не может иметь простого решения». При этом, разумеется, всё сказанное ниже является только моей личной (возможно ошибочной) точкой зрения.

17.12.2025 КС РФ принял постановление № 46-П «По делу о проверке конституционности абзаца пятого статьи 2, абзацев седьмого, девятого и десятого пункта 1 статьи 126, абзацев третьего и пятого пункта 2 статьи 213.11, абзаца четвертого пункта 5 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пункта 7 части 1 статьи 47, части 4 статьи 69.1, частей 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», части третьей статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации, частей первой, третьей, седьмой и девятой статьи 115 и статьи 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей первой и второй статьи 31, частей второй и третьей статьи 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации»

(далее – Постановление № 46-П), которое в профессиональном сообществе встретили с нескрываемым облегчением: наконец-то высшая судебная инстанция, причём по запросу судей СКЭС ВС, взялась за многолетнюю и по-настоящему мучительную коллизию между уголовно-процессуальными арестами имущества и нормой абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), предписывающей снять все аресты с открытием конкурсного производства. Облегчение, однако, оказалось преждевременным. При ближайшем рассмотрении Постановление № 46-П не столько разрешило проблему, сколько легитимировало её в новом, институционально более опасном обличье.

В самом начале – пару слов о сути коллизии, хотя большинству читателей она, разумеется, известна.

Противоречие между абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве и ч. 9 ст. 115 УПК РФ заключается в следующем: 1) в первой из норм прямо предусмотрено, что с имущества должника снимаются все ранее наложенные аресты, а основанием для их снятия является решение суда о признании должника банкротом, открытии конкурсного производства; 2) во второй норме предусмотрено, что наложенный в рамках уголовного дела арест на имущество отменяется только тем лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело. Разумеется, тут всплывает сразу очень много вопросов: от базовых фундаментальных (соотношение закона общего и специального; соотношение и наличие преимущества у норм публичного права над цивилистическими и др.) до сугубо практических (если арест не снимается автоматически (в силу закона), то кто, как и на основании чего снимает уголовный арест, какой суд имеет компетенцию на рассмотрение этого вопроса (банкротный, уголовный, общегражданский судья), и ещё очень много вопросов¹.

Второй блок вопросов касается того, что аресты на основании ст. 115 УПК РФ налагаются по разным причинам и основаниям.

Разумеется, существуют разные уголовно-процессуальные аресты: одни – для защиты имущественных требований потерпевших и в этой части ничем по своей как правовой, так и экономической природе не отличающиеся от других гражданско-правовых требований, но существуют аресты для достижения публичных целей, к которым можно отнести конфискацию и обеспечение сохранности предметов, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу.

¹ Тут попутно отметим, что в своем особом мнении к определению КС РФ от 13.03.2018 № 578-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 16, статьями 31 и 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, частями 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», частью девятой статьи 115 и статьей 401.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Определение № 578-О) судья А.Н. Кокотов столько вопросов задал, что на несколько диссертационных исследований хватит. В частности, он указывает: «Названную межотраслевую коллизию обостряет то, что задающие ее разделы законодательства устанавливают собственный приоритет в регулировании теснейшим образом переплетенных между собой уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных отношений и отношений по имущественному оздоровлению».

Указанная межотраслевая коллизия порождает существенную нормативную неопределенность на стыке уголовно-исполнительных, уголовно-процессуальных отношений и отношений по имущественному оздоровлению, создавая питательную среду для произвольного правоприменения, ущемления конституционных прав граждан».

Такое уточнение выглядит достаточно разумным. Действительно, в доктрине права является общепризнанной позиция о том, что нелегальные доходы не могут становиться предметом легального оперирования. В частности, нельзя требовать уплаты налогов за счёт доходов, полученных преступным путём (например, от незаконной продажи наркотических веществ), если такая преступность установлена в надлежащем порядке. Следовательно, проблематично требовать распределения в процедуре банкротства конкурсной массы, подлежащей конфискации. Также имущество, сохранившее на себе следы преступления, временно может быть изъято для целей совершения с ним необходимых следственных действий с последующим возвратом в конкурсную массу.

Начиная с 2011 года существует много статей и позиций по данному вопросу², но, разумеется, логичность и научная обоснованность их умозаключений, к сожалению, разбивались в щепки о скалу практического правоприменения. Это происходит в силу целого ряда причин. Не претендуя на исчерпывающий характер этого перечня, тем не менее отмечу наиболее важные и сложно преодолимые. Прежде всего «право живёт, пока его защищают», а кто будет защищать интересы кредиторов, когда они часто сами находятся в противоречивой позиции? Теоретически правильный ответ: арбитражный управляющий (далее – АУ). Ведь именно он защищает интересы кредиторов, формирует конкурсную массу, но тут возникает целый клубок проблем, начиная с внутреннего конфликта интересов, поскольку чем дольше длится производство, тем больше работает и зарабатывает АУ, и заканчивая отсутствием по УПК РФ у АУ хоть какого-то статуса (следователи и прокуроры в России не очень замечают содержание каких-либо законов, кроме УК РФ и УПК РФ), а также нежеланием АУ вступать в открытое и жёсткое противостояние с правоохранительными органами.

Второй важной причиной является недостаток нормативного регулирования разных отраслей права, в то время как жизнь требует «бесшовного соединения», что приводит к тому, что каждая отрасль настаивает на своей исключительности и приоритете. Вот как правильно ответить на вопрос: «что важнее: интересы следствия, расследующего уголовные дела, или интересы общества, члены которого должны своевременно получать удовлетворение своих требований (в банкротстве или в обычной процедуре)? Третьей причиной является нежелание судей отменять арест и решать

² Петров А. Уголовные аресты в банкротстве. Последняя практика // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. URL: <https://ao-journal.ru/ugolovnie-aresti-v-bankrotstve-poslednaya-praktika> (дата обращения: 11.07.2026); Прокофьев Р. Арест имущества банкрота в уголовном деле: как с ним бороться? // Юридическая работа в кредитной организации. 2025. № 4 (86). С. 43–49; Лисаревский И.И. Наложение ареста на имущество должников-банкротов по уголовным делам в контексте столкновения частных и публичных интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 190–199; Ерохова М.А. Освобождение имущества от ареста в российском праве: вещный иск или административная процедура? // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 4. С. 52–92; Лодыженская И.И., Кириллова Н.П. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для законодательного регулирования и практики применения наложения ареста на имущество по уголовным делам. // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1; Епихин А.Ю. Наложение ареста на имущество как мера обеспечения исполнения приговора в виде значительного штрафа // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1; Михеевкова М.А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального ареста имущества // Закон. 2019. № 1. С. 145–157; Замалаев П.С. Снятие ареста на имущество, наложенного в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с момента признания компании банкротом // Арбитражные споры. 2012. № 1 (57). С. 123–131; Егоров А. Имущественные аресты в уголовном деле: правовая природа и регулирование // Журнал РШЧП. 2020. № 2. С. 206–232.

судьбу арестованного имущества. Есть множество примеров, в том числе в нашей практике, когда этот вопрос не считали себе подведомственным: ни арбитражный суд, который рассматривал банкротное дело, ни суд общей юрисдикции: как в рамках освобождения имущества из-под ареста, так и в споре с приставом-исполнителем; ни, что самое удивительное, уголовный судья, ссылаясь на то, что применение ст. 126 Закона о банкротстве не относится к его компетенции. Это перекидывание «горячей картошки» между судами очевидно приводит к худшему варианту: фактическому лишению граждан права на судебную защиту, гарантированного Конституцией РФ, что, разумеется, абсолютно недопустимо.

И вот наконец весь этот плюрализм судебных мнений и позиций дошёл и до ВС РФ, судьи которого в своих определениях за один год успели занять две диаметрально противоположные позиции: в определении от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021 (дело гр-на Сметанина) СКЭС ВС РФ пришла к выводу, что недвижимость осуждённого должника, арестованная в уголовном деле и обременённая взысканием по приговору, всё равно включается в конкурсную массу и реализуется арбитражным управляющим, а требование потерпевшего удовлетворяется как обычное реестровое требование третьей очереди без приоритета перед другими кредиторами. По итогам этого дела суд применил к должнику исполнительский иммунитет на единственное жильё, ранее находившееся под уголовным арестом.

Но позднее, уже после обращения с запросом в КС РФ, но почему-то так и не дождавшись провозглашения Постановления № 46-П в декабре 2025 года, судьи той же СКЭС ВС РФ вынесли определения: (1) от 18.11.2025 № 305-ЭС21-15154(5) и (2) от 18.11.2025 № 305-ЭС24-23460, указав: решения арбитражного суда в деле о банкротстве об открытии конкурсного производства не распространяются на снятие ареста, наложенного в рамках ст. 115 УПК РФ.

Приоритет отдан порядку, установленному ч. 9 ст. 115 УПК РФ. Почему ВС РФ выбрал именно такой подход? Как представляется, ответ кроется в ещё не разрешённом на уровне законодателя соотношении между (1) задачами конкурсного производства в банкротстве и (2) целями наложения ареста на имущество в уголовном деле. Наложённый в рамках уголовного дела арест используется в целях обеспечения будущего решения суда об имущественных взысканиях и для сохранности вещественных доказательств, когда существует вероятность неисполнения такого решения или утраты следов преступления, а также конфискации имущества. Следовательно, применение ареста в уголовном деле направлено не только на защиту имущественных интересов потерпевших, претендующих на компенсацию убытков и возмещение ущерба в результате совершённого преступления, но и на создание условий для уголовного судопроизводства. Но ведь цель конкурсного производства заключается в том, чтобы в условиях дефицита имущества должника произошло соразмерное удовлетворение требований кредиторов, исключаящее необоснованный приоритет одних над другими (принцип равенства кредиторов).

Стоит отметить, что рассматриваемая коллизийность банкротного и уголовно-процессуального законодательства не является уникальной для нашей страны. Вопросы соотношения института возмещения вреда в уголовном судопроизводстве (*criminal remedies*) и процедуры удовлетворения требований кредиторов в сфере несостоятельности (банкротства) актуальны для многих правовых порядков.

В Великобритании *Proceeds of Crime Act 2002* (далее – *ПОСА 2002*) предусматривает *restraint order* (заморозка имущества на стадии расследования), *confiscation order* (взыскание суммы, равной выгоде от преступления, после приговора) и *freezing order*.

Ключевая норма – s. 426 *ПОСА*: приоритет определяется хронологией. Если *restraint order* вынесен раньше решения о ликвидации, он имеет приоритет; если позже – приоритет получает процедура несостоятельности. Это формальный темпоральный критерий, а не содержательная балансировка интересов, он хорош тем, что неоспорим, но может противоречить справедливости и порой здравому смыслу.

При этом обязательства по *confiscation order*, возникшие до банкротства, не являются «доказуемым долгом» в деле о банкротстве и не списываются при освобождении от долгов. А в деле *Chief Constable of Greater Manchester Police v Wright* (2015) суд разъяснил, что для продолжения дела о конфискации/изъятии денежных средств банкрота разрешение конкурсного суда не требуется. Между тем необходимо понимать, что практика вносит определённые коррективы в стройность законодательных абстрактных конструкций. Так, например, кейс *Re Stanford International Bank* показывает, что на практике уголовный процесс часто получает фактический приоритет над ликвидацией, даже когда формальные правила позволяют ликвидатору действовать.

В США применяется правило «*police power exception*». Автоматическая приостановка (*automatic stay*) по § 362 *Bankruptcy Code* не распространяется на действия государственных органов по реализации полицейских и регуляторных полномочий – в том числе уголовное преследование, экологическое и трудовое законодательство – независимо от того, начаты ли эти действия до или после банкротства. Штрафы и реституция по приговору не списываются банкротством.

При этом толкование исключения колеблется: 3-й округ в деле *Nortel* применил его узко (*Potter Anderson*), а в литературе (*Emory Bankruptcy Developments Journal*, 2020) обсуждается, что широкая гражданская конфискация, по сути являющаяся избыточным штрафом, не должна автоматически подпадать под «полицейское» исключение и вытеснять интересы кредиторов.

Анализируя соответствующую практику американских судов, Б.Д. Джонс отмечает, что институт возмещения вреда по уголовным делам создаёт коллизии между целями банкротного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, порождает запутанные юридические казусы³.

В Германии после реформы 2017 года («*Gesetz zur Reform der strafrechtlichen Vermögensabschöpfung*») в УПК ФРГ появился § 111i: если есть несколько лиц с требованиями и стоимость арестованного по уголовному делу имущества недостаточна для их удовлетворения, прокуратура обязана подать заявление об открытии производства о несостоятельности в отношении должника, а при остатке после завершения

³ Jones B.D. Criminal Restitution Awards and Chapter 7 Trustee Practice // American Bankruptcy Trustee Journal. 2018 (цит. по: Boise W., Kuni J. Arrested Discharge: When Criminal and Bankruptcy Law Collide. 2018. URL: <https://s3-us-west-2.amazonaws.com/oregonstatebar/Seminars/2018/BKB218-3.pdf>. P. 3A-23–3A-27).

распределения государство приобретает залоговое право на этот остаток в пределах суммы ареста, которое управляющий обязан удовлетворить.

Кроме того, в немецкой доктрине идёт давняя дискуссия о соотношении уголовно-процессуального ареста (*Vermögensbeschlagn*) и ареста в пользу конкурсной массы (*Insolvenzbeschlagn*): по мнению В. Уленбрука, придающего приоритет режиму конкурсной массы, уголовно-процессуальные аресты, наложенные до открытия производства о несостоятельности, утрачивают силу с его открытием⁴. При этом требование о возврате стоимостной конфискации (*Wertersatz einziehung*) в реестре кредиторов подлежит субординации по § 39 *InsO*, а компания-должник продолжает самостоятельно участвовать в уголовном процессе по вопросам изъятия имущества (§ 424 *StPO*) до момента полной ликвидации, отдельно от управляющего.

Три приведённые модели задают разные точки баланса: английская – формально-темпоральная (кто раньше наложил арест / открыл процедуру); американская – почти безусловный приоритет уголовного процесса с компенсацией через институт *non-dischargeable debts*; немецкая – статутный механизм автоматической конвертации уголовного ареста в требование в деле о банкротстве с сохранением залога государства на остаток. Это доказывает, что каждый правовой порядок устанавливает удобный и справедливый для него порядок, который, разумеется, не находится в вакууме, отдельно от всей остальной правовой системы, а избранный вариант должен быть органично имплементирован в правовую материю, когда иные её элементы могут демпфировать искажения и асимметрии, а также иметь страховочные механизмы для того, чтобы права частных лиц и общества не были нарушены.

Обозревателю-теоретику могло бы показаться, что указанная коллизия была закрыта ещё в 2011 году. КС РФ в постановлении от 31.01.2011 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприёмное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой» (далее – Постановление № 1-П) признал эти положения соответствующими Конституции РФ, но дал им следующее истолкование: в порядке абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве прекращаются аресты, наложенные с целью обеспечения реализации прав гражданского истца по уголовному делу, а все прочие аресты, наложенные в публично-правовых целях, сохраняются.

Таковыми публично-правовыми целями, указанными в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, выступают следующие:

- 1) обеспечение взыскания штрафа;
- 2) конфискация имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

Данная логика рассуждений повторяет фундаментальную проблему гражданского права.

⁴ Uhlenbruck W. Insolvenzordnung: Kommentar. 2003.

Со времен Древнего Рима принято различать государство как суверена (*imperium*) и государство как собственника (*dominium*). При этом базовым является постулат о том, что государство как суверен не может создавать себе каких-либо преимуществ как для собственника.

Однако этот очевидный базовый тезис нуждается в активной борьбе за него со стороны гражданского общества. Такая активность должна реализовываться через судебный контроль за деятельностью органов публичной власти⁵.

Также в Постановлении № 1-П КС РФ недвусмысленно указал: ч. 3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве не предполагает ни наложения ареста на имущество должника в процедуре конкурсного производства, ни сохранения ранее наложенного ареста после её введения, если он обеспечивает требования конкурсных кредиторов. Логика была железная: механизм гражданского иска в уголовном деле не вправе создавать привилегированные условия для отдельных кредиторов по сравнению с общим порядком погашения требований в банкротстве. Любое иное толкование означало бы, что выгоднее быть жертвой преступления, чем обычным кредитором по договору. А это – прямое нарушение принципа равенства кредиторов, на котором стоит весь институт несостоятельности.

Что произошло дальше, хорошо известно практикующим юристам. Рядовые суды с самого начала саботировали указанное постановление, а в последующем и сам КС РФ стал дрейфовать в сторону уголовно-процессуального примата. КС РФ в п. 3.1, 4 постановления от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена» указывал на необходимость установления применительно к аресту имущества третьих лиц ряда обстоятельств гражданско-правового характера: «...действительно ли арестованное имущество приобретено у лица, не имевшего права его отчуждать (о чём приобретатель не знал и не мог знать), знал или должен был знать владелец арестованного имущества, что оно получено в результате преступных действий, причастен ли он к совершению преступления, на каком основании (возмездно или безвозмездно) приобретено имущество». Это требование КС РФ отнюдь неслучайно, ибо данные обстоятельства – добросовестность, осведомлённость приобретателя и возмездность приобретения имущества – как раз и могут иметь определяющее значение при разрешении гражданского иска, для обеспечения которого может арестовываться имущество.

Если уже на данном этапе можно предположить, что оснований к удовлетворению такого иска за счёт этого имущества не будет, то очевидны чрезмерность и необоснованность ограничений прав собственника в виде наложения ареста. Но при отсутствии законодательного требования суды, разумеется, разъяснениями КС РФ активно не руководствуются и при вынесении постановлений об аресте имущества третьих лиц все эти обстоятельства обычно не устанавливают, в том числе и в случаях, когда основанием ареста выступает именно гражданский иск, а не возможная конфискация имущества и т.п.

⁵ Шевченко И.М. О судьбе уголовно-процессуального ареста в конкурсном производстве // Российский судья. 2020. № 12. С. 39–44.

Определения КС РФ 2012 и 2016 годов (от 15.05.2012 № 813-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Садыкова Ильгизара Яхиевича на нарушение его конституционных прав положениями абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца шестого пункта 1 статьи 16, пункта 3 статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», частей третьей и девятой статьи 115 и пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и от 25.10.2016 № 2356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» на нарушение конституционных прав и свобод частью третьей статьи 6.1, частями первой, третьей и девятой статьи 115 и статьей 115.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также абзацем девятым пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») тихо (без явного противопоставления) дезавуировали Постановление № 1-П, указав, что для снятия ареста всё же необходимо постановление органа, ведущего уголовное дело, а в Определении № 578-О вообще написали об имеющемся приоритете:

«Уголовно-исполнительное законодательство, обладающее в системе действующего правового регулирования приоритетом в определении порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (статьи 1 и 2 УИК Российской Федерации, статьи 1–3 и часть 1 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), не закрепляет такого основания окончания или прекращения исполнительного производства по взысканию штрафа, назначенного гражданину вступившим в законную силу приговором суда в качестве основного наказания, как признание этого гражданина банкротом в соответствии с законодательством о несостоятельности (банкротстве) физических лиц.

Такое правовое регулирование направлено на предотвращение неисполнения вступивших в законную силу приговоров и освобождения от отбывания уголовного наказания граждан по основанию, не предусмотренному уголовным законодательством Российской Федерации (статьи 1–3 и 79–83 УК Российской Федерации), тем самым гарантируя неотвратимость уголовного наказания, защиту прав и свобод граждан, действенность конституционных основ судебной власти, ее высокий авторитет»

Суды общей юрисдикции продолжали накладывать аресты на конкурсную массу и не спешили их снимать. Арбитражные суды разделились: одни признавали арест прекратившимся в силу закона, другие – нет. Следователи, пользуясь правовой неопределённостью, сохраняли аресты годами (вплоть до 10 лет). В итоге имущество банкрота «замораживалось» в ожидании приговора, который мог и вовсе не состояться, а кредиторы оставались ни с чем.

В этой связи и регистрирующие органы нередко отказывают в необходимых с учётом прекращения ареста действиях. Подобным же образом они подходят и к другим случаям автоматической отмены арестов, по большей части требуя конкретного акта об отмене.

Обращение к дознавателю (следователю) с ходатайством об отмене ареста зачастую неэффективно по очевидным причинам, как и обжалование его отказа в по-

рядке ст. 125 УПК РФ, – суды ограничиваются констатацией в духе «арест наложен уполномоченным лицом в установленном порядке», доводы о банкротстве просто игнорируются.

Обращение же собственника либо его кредиторов в арбитражный суд тоже не всегда результативно по той простой причине, что арбитражные суды избегают любого вмешательства в уголовно-правовые аспекты. Сам по себе этот подход, безусловно, объясним, но иногда осторожность судов даже чрезмерна. А арбитражные суды зачастую признают обращение с ходатайством о снятии ареста ненадлежащим способом защиты права (и действительно, поскольку Закон о банкротстве предполагает автоматическое снятие арестов, он и не предусматривает подобного ходатайства), указывая на необходимость обжалования действий правоприменителя (например, регистратора).

Существуют десятки статей научно-практического плана, которые посвящены указанной проблеме и складывающейся разношерстной и непоследовательной практике рядовых судов. К 2024 году она вышла на уровень высшей судебной инстанции.

Сначала в уже упомянутом определении от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298 (2) ВС РФ сделал, пожалуй, наиболее последовательный шаг: требование о возмещении вреда, присуждённого приговором по гражданскому иску, не имеет приоритета перед аналогичным требованием, разрешённым в гражданском судопроизводстве. Арест включается в конкурсную массу, имущество реализуется на торгах, потерпевший встаёт в третью очередь – как и любой другой кредитор из деликта. Текст определения предельно логичен, последователен, убедителен, более того, я уже писал, что, на мой взгляд, сам текст определения с точки зрения как убедительности, так и юридической техники (наличие разделов, разбивка на пункты и подпункты) является лучшим образцом того, как в принципе должны мотивироваться определения высшей судебной инстанции. Он обладает нормативной определённой и написан таким образом, чтобы не просто продемонстрировать законность и справедливость данного судебного акта, а дать ориентир для всей судебной системы, указав, что необходимо учитывать, что важно принимать во внимание и почему аресты должны быть сняты, а имущество реализовано в интересах всех кредиторов.

Вкратце позицию СКЭС ВС РФ можно свести к следующим доводам:

1. Если должник находится в состоянии банкротства, то исполнительное производство по имущественным взысканиям приостанавливается (за исключением особо оговоренных в законе случаев), снимаются аресты с имущества должника, а при признании должника-гражданина банкротом пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство. Все требования кредиторов по денежным обязательствам такого должника, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены только в деле о его банкротстве.

2. В условиях дефицита имущества должника институт банкротства призван обеспечить баланс прав и законных интересов должника, его кредиторов и прочих лиц, участвующих в деле о банкротстве. Основной целью процедуры конкурсного производства является соразмерное удовлетворение требований кредиторов, исключаящее необоснованный приоритет одних над другими.

При этом процедуры банкротства (за исключением внесудебного банкротства граждан) осуществляются под контролем арбитражных судов, уполномоченных законом рассматривать возникающие в делах о банкротстве обособленные споры и разрешать прочие вопросы, в том числе о составе конкурсной массы должника, о применении исполнительского иммунитета.

3. Конкурсная масса формируется за счёт всего имущества должника, имеющегося на дату открытия конкурсного производства и выявленного в ходе конкурсного производства. Исключения из этого правила установлены законом.

4. Требования кредиторов к должнику-банкроту по денежным обязательствам, за исключением текущих обязательств, могут предъявляться только в деле о его банкротстве. В зависимости от различных социально-экономических предпосылок Закон о банкротстве устанавливает очерёдность удовлетворения требований кредиторов.

5. Имущественный вред может быть причинён, помимо прочего, преступлением. В этом случае уголовно-процессуальный закон предусматривает способ защиты имущественных прав лица, которому причинён такой вред, – предъявление гражданского иска в уголовном деле. Предъявление имущественных притязаний именно в уголовном деле в форме гражданского иска направлено на эффективную защиту прав лица, пострадавшего от преступления, т.к. ему упрощается задача доказывания, он получает содействие государственного обвинителя, решение о возмещении вреда принимается судом одновременно с осуждением причинителя вреда. Вместе с тем приговор в части гражданского иска является по сути лишь одним из вариантов судебного решения, которым присуждается возмещение вреда за совершённый деликт (ст. 1064 ГК). Это означает, что в условиях банкротства осуждённого должника, являвшегося гражданским ответчиком, требования кредитора о возмещении причинённого преступлением вреда подлежат удовлетворению в деле о банкротстве этого должника. Ни УК РФ, ни Закон о банкротстве не дифференцируют требования кредиторов в зависимости от характера и степени общественной опасности правонарушения, которым причинён имущественный вред. В связи с этим кредиторы по такому обязательству из деликта (преступления) являются такими же кредиторами, как и любые иные; их требования подлежат удовлетворению в составе третьей очереди реестра.

6. Обеспечительные меры (меры по обеспечению иска), в том числе наложение ареста на имущество, по существу являются ускоренным средством защиты имущественных интересов лица, которому в той или иной форме причинён имущественный вред (убытки). Оснований полагать, что имущество, арестованное в целях обеспечения гражданского иска в уголовном деле, каким-либо образом обособляется исключительно в пользу удовлетворения требований гражданского истца, не имеется. По сути, к этому моменту обеспечительные меры выполнили свою функцию: имущество сохранено, находится вне контроля должника, и за счёт этого имущества можно удовлетворить требования кредиторов.

7. Принудительное исполнение судебных актов по имущественным требованиям к несостоятельному должнику, в том числе по подтверждённым приговором суда требованиям о возмещении причинённого преступлением имущественного вреда, осуществляется в деле о его банкротстве. Имущество осуждённого должника, на которое наложен арест в обеспечение указанных требований, включается в состав

конкурсной массы должника и реализуется АУ. Дополнительно СКЭС ВС РФ обращает внимание на позицию должника и его финансового управляющего, которые неоднократно и безуспешно предпринимали попытки решить вопрос об исполнительском иммунитете в порядке уголовного судопроизводства. Этот вопрос не решён и в порядке арбитражного судопроизводства, что привело к тому, что конституционное право должника на единственное жильё осталось без судебной защиты.

И все было бы хорошо, и практика, возможно, постепенно поняла и приняла бы указанную логику и алгоритм действий, хотя нельзя быть в этом полностью уверенным, но уже менее чем через год та же СКЭС ВС РФ в ноябре 2025 года в делах «Гема-инвест» и «Мир дорог» (определения ВС РФ от 18.11.2025 № 305-ЭС21-15154(5) и от 18.11.2025 № 305-ЭС24-23460) сделала разворот на 180 градусов, вернув приоритет нормам УПК РФ. Причём в отличие от ранее описанной детальной и последовательной аргументации по делу гр-на Сметанина в данных определениях содержатся не доводы, а сразу вывод:

«Таким образом, суждения конкурсного управляющего и конкурсного кредитора о наличии противоречий между нормами части 1 статьи 126 Закона о банкротстве и части 9 статьи 115 УПК РФ основано на совпадении предмета имущественных интересов, обеспечиваемых в порядке арбитражного (гражданского) судопроизводства в первом случае и в порядке уголовного судопроизводства – во втором.

Следовательно, учитывая, что согласно статье 223 АПК РФ, статье 32 Закона о банкротстве дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными Законом о банкротстве, а уголовные дела согласно статьям 1, 30 УПК РФ – судами общей юрисдикции по правилам, предусмотренным УПК РФ, установленное в части 1 статьи 126 Закона о банкротстве правомочие арбитражного суда по снятию с даты принятия решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства всех ранее наложенных арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не распространяется на снятие ареста, наложенного в соответствии с частями 1–3 статьи 115 УПК РФ. Согласно действующему законодательству, такой арест снимается в порядке, установленном частью 9 статьи 115 УПК РФ»

Легко заметить, что позиция «кесарю кесарево, а Божие Богу» насколько понятна, настолько и не убеждает, т.к. текст ст. 126 Закона о банкротстве всё-таки предельно понятно написан и указанное ранее Постановление № 1-П никто не отменял, и оно сохраняет свою силу.

В условиях такого правового хаоса КС РФ был вынужден вмешаться и установить баланс и единство. КС РФ провозгласил свою позицию, но совсем не такую, как ожидали многие специалисты в области несостоятельности.

Разумеется, КС РФ, как мастер балансов и компромиссов, попытался учесть все позиции и интересы. Формально суд признал целый ряд норм – ст. 115 и 115.1 УПК РФ, ст. 126 Закона о банкротстве, нормы об исполнительном производстве и уголовно-исполнительного кодекса не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они «не обеспечивают надлежащего правового механизма снятия ареста» и баланса

интересов кредиторов, государства и потерпевших. А до принятия законодательных изменений установлен следующий временный (хотя мы знаем, что временное бывает вечным) порядок:

- арбитражный суд по заявлению управляющего или любого кредитора включает требования гражданского истца по уголовному делу в реестр требований кредиторов, при этом *данное решение может быть принято вне зависимости от наличия согласия на это лица, заявившего в уголовном деле гражданский иск* (это само по себе хорошо, поскольку указывает на равенство и необходимость учёта всех в одном реестре, правда, не поясняется, откуда заявители должны узнать о таком гражданском истце и уж тем более о всех деталях его требований);
- на основании этого решения арбитражного суда АУ вправе обратиться в суд общей юрисдикции для снятия уголовного ареста (тут, правда, нет уверенности, что суды будут считать, что постановление КС РФ наделило АУ процессуальным статусом без упоминания в УПК РФ, но его процессуальный статус (права и обязанности) в любом случае непонятен, кроме того, остаются без ответа вопросы чисто практического свойства, связанные с отсутствием у АУ необходимых документов и другой информации из уголовного дела);
- при этом суд вправе сохранить арест на часть имущества, если посчитает, что иначе потерпевший с учётом установленной законом очерёдности удовлетворения требований кредиторов, сведений об имеющейся конкурсной массе и общем объёме требований кредиторов к должнику «в значительной части лишится возможности удовлетворения своих требований» (этот пункт явно самый негативный, поскольку содержит слишком много усмотрения, начиная с формулировки «в значительной части» и не давая никаких, даже приблизительных, ориентиров; более того, зная, как соотносятся на практике теоретическая стоимость активов банкрота и их реальная (продажная) стоимость, непонятно, как решить это математическое уравнение с тремя неизвестными. Представляется, что прогностические возможности судьи, который рассматривает уголовное дело и понятия не имеет о финансовом состоянии банкрота, мягко говоря, преувеличены. Если перевести куртуазные и высокопарные формулировки КС РФ на простой русский, то фраза должна читаться так: «Суд сохранит арест!» Все остальные причастные и деепричастные обороты и оговорки можно просто опустить);
- если выделить часть в натуре нельзя, арест снимается, но управляющий обязан перечислить часть выручки на депозит суда (тут тоже масса практических вопросов: 1) что означает невозможность выделения (только технически-физическая, правовая или функциональная невозможность); 2) какую часть выручки (50–70–90 процентов); 3) если АУ должен её перечислить заранее, до снятия ареста, то откуда ему взять средства, а если после реализации, то каков механизм обеспечения интересов потерпевшего);
- если уголовный арест не снят, то арбитражный суд вправе приостановить банкротство до вступления приговора в силу или пока законодатель не исполнит Постановление № 1-П (это решение самое ревизионистское, поскольку оно по сути возвращает ситуацию туда, откуда начинали, поскольку смысл всей дискуссии, включая необходимость правовой позиции КС, и заключается в том, чтобы устра-

нить этот «затор» (тромб) на банкротной дороге, который препятствует завершению процедуры и расчёта с кредиторами, поэтому приостановление банкротства – это не лекарство, это и есть болезнь, которую надо лечить.

Из бесспорных плюсов Постановления № 1-П – вывод о том, что уголовный штраф как дополнительное наказание – обычное требование кредитора, а потому попадает в третью очередь реестра.

В итоге получается, что это не столько решение, сколько порождение новой проблемы, а может, даже нескольких проблем.

Во-первых, КС РФ незаметно отступил от позиции 2011 года, которую сам же когда-то закрепил. В Постановлении № 1-П принцип был сформулирован чётко: арест в обеспечение гражданского иска снимается, потому что гражданский истец является конкурсным кредитором и не может иметь привилегий. Постановление № 46-П вводит механизм, при котором этот же кредитор может получить частичный «арестный» приоритет – через сохранение ареста или резервирование выручки. По существу, это «арестный залог», созданный судебным решением уголовного суда, но без формального признания залогового статуса. Суд как бы говорит: «В принципе, привилегий нет, но вот вам привилегия».

Во-вторых, ключевой аргумент КС РФ в пользу сохранения ареста – недобровольность потерпевшего – ошибочен. Разумеется, потерпевший не хотел стать конкурсным кредитором. Но это же справедливо и для прочих кредиторов из деликтов (например, пострадавших в ДТП), и для работников, которым не выплатили зарплату, и для многих других. Недобровольность кредиторства – это основание для установления особой очерёдности (как это сделано для требований о возмещении вреда жизни и здоровью в первой очереди), но отнюдь не основание для сохранения индивидуального ареста в обход конкурсных принципов. Требования потерпевшего по имущественному вреду – это требования из деликта, и никто, включая судей КС РФ, не опроверг это утверждение. Они уже защищены включением в реестр требований кредиторов на общих основаниях. Что именно добавляет к этой защите сохранение ареста, Постановление № 46-П не объясняет. Зато хорошо объясняет, что теряют от этого все остальные кредиторы.

В-третьих, снятие уголовного ареста на имущество никак не препятствует расследованию уголовного дела и привлечению виновных к ответственности. Это обстоятельство в Постановлении № 46-П фактически проигнорировано, хотя именно оно является ключевым. Расследование и привлечение к ответственности – цели уголовного процесса – не зависят от того, продано ли имущество должника с торгов в банкротстве. Обвиняемого осудят или оправдают вне зависимости от судьбы конкурсной массы. Единственный законный случай, когда арест действительно необходим для целей расследования, – это когда имущество является вещественным доказательством или иным образом необходимо для расследования или должно быть изъято из оборота. Но это принципиально иная ситуация, прямо урегулированная п. 3.1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, и смешивать её с обеспечением гражданского иска нельзя.

В-четвёртых, законодательные изменения, которые КС РФ предложил внести, несут в себе семена злоупотреблений. Избыточное применение уголовных арестов может

повлечь необоснованное или чрезмерное ограничение конституционных принципов – права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности (ст. ст. 34–35 Конституции РФ). Иногда они фактически используются как «оружие» в рамках экономических споров, что, конечно, не отвечает их назначению. Сохранение возможности частичного ареста по решению уголовного суда с учётом «интересов потерпевшего» – это широкое судебское усмотрение, которое неизбежно будет использоваться в интересах отдельных кредиторов при поддержке правоохранительных органов. Легитимация «частичного сохранения» ареста на усмотрение следователя и судьи по уголовному делу откроет новые возможности для тех, кто умеет превращать коммерческие конфликты в уголовные дела.

В-пятых, предложенный временный порядок неизбежно ведёт к тромбированию банкротных процедур. Арбитражный суд вправе приостановить всё производство «до вступления приговора в законную силу». Уголовные дела тянутся годами. Кредиторы – живые люди и действующие организации – ждать не могут и не должны. Имущество обесценивается, управляющий работает вхолостую, конкурсная масса тает как снег под весенним солнцем. В итоге те самые кредиторы, которых процедура банкротства призвана защитить, получают ещё меньше – не потому что имущества нет, а потому что оно заморожено в ожидании приговора уголовного суда, который может рассматривать дело несколько лет.

Суть института несостоятельности – в упорядоченном, быстром и справедливом распределении имущества должника между всеми кредиторами пропорционально их требованиям. Механизм, позволяющий уголовному аресту блокировать эту процедуру на неопределённый срок, этому институту прямо противоречит, а главное, он противоречит общему благу и интересам государства. Единственными бенефициарами нынешнего положения дел являются нечистые на руку сотрудники правоохранительных органов, поскольку положение потерпевших не ухудшат, а уравниют с другими кредиторами, что справедливо. Все разговоры о том, что банкротство может быть преднамеренным, фиктивным, а также злоупотреблением в других формах, не имеют никакого отношения к данной дискуссии, поскольку должны преодолеваются комплексом других мер, которые не имеют никакого отношения к рассматриваемой коллизии.

Чтобы критика носила конструктивный характер, необходимо предложить альтернативный способ преодоления имеющейся коллизии. На мой взгляд, правильный ответ на проблему был дан ещё в 2024 году самим ВС РФ и, по существу, уже в 2011 году самим КС РФ, он прост и сводится к нескольким пунктам:

1. С момента введения конкурсного производства уголовный арест, наложенный в обеспечение гражданского иска, прекращается в силу закона, без каких-либо дополнительных актов.
2. Требования потерпевшего (гражданского истца) включаются в реестр кредиторов в соответствующей очереди.
3. Потерпевший получает удовлетворение из конкурсной массы наравне с остальными кредиторами – в первой очереди, если вред причинён жизни или здоровью, в третьей – если вред имущественный.

4. Арест сохраняется только в одном случае: если имущество является вещественным доказательством, – и только на период, необходимый для производства следственных действий.

Именно этот подход соответствует Конституции РФ, принципу равенства кредиторов, логике института несостоятельности и здравому смыслу. Тот факт, что потерпевший не выбирал стать кредитором, вызывает сочувствие, но не является юридическим основанием для привилегии. Иначе мы должны признать, что пострадавший в аварии пешеход должен иметь приоритет перед работниками предприятия-банкрота, не получившими зарплату несколько месяцев, – что очевидный нонсенс.

Наказание виновного уголовным судом – включая лишение свободы, штраф, конфискацию в части, установленной законом, – никак не связано и не должно быть связано с тем, реализовано ли имущество банкрота на торгах. Банкротство не смягчает наказание. Оно лишь определяет, как распределяется имущество несостоятельного должника. Смешивать эти два вопроса – значит разрушать оба института одновременно.

Подводя итог, важно отметить, что Постановление № 46-П стало попыткой примирить непримиримое: публично-правовую логику уголовного процесса и частноправовую логику банкротства. Попытка, на первый взгляд, благородная, но результат напоминает конструкцию, в которой каждый из двух соседних механизмов блокирует другой.

Законодателю предстоит принять изменения в законы во исполнение Постановления № 46-П. Это, безусловно, окно возможностей для того, чтобы установить идеальный и работающий механизм. Хочется надеяться, что Минэкономразвития, уже разработавшее соответствующие законопроекты⁶, воспользуется этим шансом и не воспроизведёт в законе ту же половинчатость, которую КС РФ предложил в качестве временного порядка. Конкурсная масса – не заложник уголовного процесса, конкурсные кредиторы – не бесправные наблюдатели чужого уголовного дела. Пора поставить точку в этом вопросе.

⁶ Проект Федерального закона «О внесении изменений в статьи 115 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс».

Российская модель банкротства: концептуальные проблемы и вызовы

Андрей Егоров,

к.ю.н., главный редактор журнала «Цивилистика»,
руководитель Клуба цивилистов, профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
руководитель образовательных программ *Lextorium.com*, арбитр МКАС,
Российского арбитражного центра и Арбитражного центра при РСПП
<https://t.me/lawegorov>

Моё обращение к проблематике банкротства связано полностью и исключительно с В.В. Витрянским. Два эпизода совпали примерно с разницей в два-три года. Сначала я отвечал на экзамене по банкротству в РШЧП тему «Мировое соглашение в банкротстве», и Василий Владимирович, скажем так, очень удивлённо слушал то, что я ему говорил. Помню его комментарии из серии: «Откуда вы это взяли-то всё?».

А потом был разговор в его кабинете заместителя председателя ВАС РФ в конце 2002 или начале 2003 года после одного из рабочих совещаний. Мол, вышел новый Закон о банкротстве, и пора бы вам, Андрей Владимирович, уже включаться в эту тему. Мы взялись писать Пленум о введении в действие этого закона, и выбирайте, что из Закона о банкротстве хотите разобрать и комментировать потом. И я выбрал максимально близкое к частному праву, как мне тогда показалось... мировое соглашение в банкротстве.

Это было то место, где, как говорится, коготок у птички и увяз, т.е. «птичка» пропала вся. Сейчас, по прошествии 20 лет постоянной работы в сфере банкротства, имея под сотню публикаций по этой проблематике, интересуясь всем, от понятия текущих платежей, субординации и субсидиарной ответственности до банкротства застройщиков или финансовых организаций, с трудом представляю себя вне этого контекста. Это огромная часть интереснейшей профессиональной карьеры, и есть тот, кто её запустил. И я это запомнил, конечно, навсегда.

У нас было много споров с Василием Владимировичем. Да и в целом банкротство такая тема, где все со всеми спорят. Так уж получилось.

В этой статье я хотел бы обозначить своё видение относительно ключевых проблем ответственного законодательства о банкротстве и предложить те направления, в которых могло бы проходить их решение. Перечень проблем нельзя признать исчерпывающим, и он связан прежде всего с личным опытом автора.

Также выбранный жанр не предполагает масштабной аргументации, доказывающей правоту именно предложенных поправок в закон. Речь идёт именно о постановке проблем и вызове учёных, занятых банкротством, на дискуссию о судьбах российского банкротного права.

Надеюсь, что и Василия Владимировича, хоть он и отдалился от текущих проблем банкротства, данная публикация не оставит равнодушным и мы сможем в будущем обсудить с ним эти проблемы и высказанные предложения.

Оглавление

1. Юридическая техника Закона о банкротстве	126
2. Цели банкротных процедур	127
3. Компетенция по рассмотрению дел о банкротстве	130
4. Процедуры банкротства	134
5. Кредиторы по текущим обязательствам	139
5.1. Очереди текущих требований	141
5.2. Расходы на привлечённых лиц.....	142
5.3. Последствия недостаточности конкурсной массы для покрытия расходов по делу о банкротстве	144
6. Конкурсные кредиторы.....	146
6.1. Последствия пропуска срока	147
6.2. Требования с ненаступившим сроком и условные требования.....	148
6.3. Неденежные требования	150
6.4. Субординация корпоративных требований	151
7. Интересы должника в банкротстве	153

1. Юридическая техника Закона о банкротстве

Основное нормативное регулирование банкротства сосредоточено в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Закон о банкротстве за 15 лет применения пережил более 85 изменений, многие из которых значительно расширили его объём (новые главы III.1 об оспаривании сделок должника и III.2 об ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве, кардинально переработана и дополнена глава X о банкротстве физических лиц, введены новые параграфы в главу IX – § 4.1 «Банкротство кредитных организаций», § 7 «Банкротство застройщиков», § 8 «Особенности банкротства участника клиринга и клиента участника клиринга» и т.п.).

Построение основной части Закона о банкротстве рассчитано на банкротство юридических, а не физических лиц. Именно поэтому в § 1.1. главы X законодатель вынужден был повторять применительно к физическим лицам многие конструкции, известные по общей части Закона о банкротстве.

Техника Закона о банкротстве, конечно, устарела. Она неудобна тем, что в главе о банкротстве граждан законодателю удалось решить многие пробельные вопросы банкротства, но они остаются нерешёнными для банкротства юридических лиц (например, восстановление срока на включение в реестр требований кредиторов (далее – РТК), пропущенного по уважительной причине) и др.